

В.В. ИВАНОВ

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ТРУДАХ С.И. КОТКОВА

Наука об истории русского языка, истоки которой восходят к Ломоносову, к середине XX в. не только накопила богатейший фактический материал о явлениях и процессах в развитии фонетики, морфологии и синтаксиса этого языка, в становлении его словарного состава, но и выработала методы реконструкции прошлого состояния языковой системы на основе изучения памятников письменности и современных диалектов. В трудах Востокова и Буслаева, Срезневского и Потебни, Соболевского и Шахматова, в исследованиях советских лингвистов история русского языка предстала как стройная система развития взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, определяющегося характером и спецификой этих элементов. В советское время история русского языка как наука получила твердую марксистско-ленинскую методологическую базу: история языка как важнейшего средства общения стала рассматриваться в тесной связи с историей народо-творца и носителя этого языка, с историей общества, в котором функционирует и развивается данный язык.

Однако при всех достижениях науки об истории русского языка в ее развитии в 50-е годы стало складываться парадоксальное положение: совершенствовались методы реконструкции явлений и процессов прошлого времени, накапливались диалектные материалы (особенно в связи с созданием Дialeктологического атласа русского языка), позволявшие осуществлять ретроспективное изучение русских говоров, но очень мало исследовались рукописные памятники письменности, которые, без всякого сомнения, должны признаваться главным источником наших знаний о развитии языка в прошлые эпохи. Более того, если новые рукописные источники и привлекались, то они были разрознены по их территориальной принадлежности и ограничены по жанровой отнесенности. Такое положение с исследованием памятников письменности объяснялось вполне объективными причинами (хотя, конечно, и субъективная причина — трудности изучения истории языка по рукописным источникам — играла здесь свою роль): с 30-х годов нашего века в русском языкознании прервалась традиция издания памятников, а хранящиеся в различных архивах документы были практически недоступны. Поэтому по существу в начале второй половины века история русского языка продолжала оперировать

только тем кругом письменных источников, которые были известны с конца XIX — начала XX столетия. Открытие в 50-х годах новгородских берестяных грамот не внесло существенных изменений в эту ситуацию: хотя эти грамоты и содержали некоторые новые сведения о новгородском диалекте в его истории, но, во-первых, временная их прикрепленность оказывалась недостаточно надежной, а во-вторых, эти новые сведения не изменяли принципиально уже сложившихся представлений об истории новгородских говоров. История русского языка оказалась в своеобразном тупике: надо было расширять круг памятников письменности, причем как в территориальном, так и в жанровом отношении. И здесь важно иметь в виду, что в русской истории и в русском языкознании в конце XIX — начале XX в. сложилось представление о том, что в силу передвижения исторической жизни Древней Руси в результате монголо-татарского нашествия на север и северо-восток произошло запустение южнорусских земель, а потому складывание великорусской народности, а затем и русской нации, так же как и формирование их языка, было связано с северными территориями и с языком населения севера и северо-востока. Это представление было настолько устойчивым, что историки русского языка не проявляли интереса к южновеликорусским памятникам. Правда, эти памятники сохранились с относительно позднего времени — с конца XVI в., да и были они труднодоступны для изучения. Однако эти обстоятельства не могут полностью объяснить невнимания историков русского языка к южновеликорусским текстам: решающую роль здесь сыграло традиционное представление о малой роли южновеликорусского наречия в формировании русского национального языка.

Таким образом, к середине XX в. становилось все более ясным, что развитие науки об истории русского языка может привести к новым результатам, а возможно, и к пересмотру устоявшихся взглядов при условии вовлечения в научный оборот новых памятников древнерусской и старорусской письменности, причем памятников различных территорий — и, конечно, особенно тех территорий, сохранившиеся документы с которых еще не подвергались изучению — и различной жанровой принадлежности, прежде всего памятников, язык которых с наибольшей степенью достоверности был близок к живой народно-разговорной речи. Выполнение этой задачи требовало прежде всего сделать доступными для исследователей новые памятники русской письменности, хранящиеся в архивах. А это значит, что надо было развить лингвистическое издание рукописей, выработать такие принципы их издания, которые позволили бы лингвистам изучать по ним любые явления в истории русского языка, не обращаясь непосредственно к рукописям. Эту трудную и благородную задачу взял на себя Сергей Иванович Котков — один из крупнейших современных историков русского языка, прошедший большую школу диалектолога и исследователя памятников русской письменности.

В 1958 г. по инициативе С.И. Коткова в Институте русского

языка АН СССР был создан Сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников языка. С.И. Котков стал руководителем этого сектора, собрав в нем коллектив энтузиастов и единомышленников, увлеченно работающих над изданием и исследованием древнерусских и старорусских источников. За прошедшие годы вышли в свет 20 томов памятников русского языка, в которых впервые представлены в полном виде лингвистически воспроизведенные и интерпретированные такие важнейшие древнерусские рукописи, имеющие и общеславянское значение, как Изборник 1076 г., Апракос Мстислава Великого конца XI в., Синайский патерик XI—XII вв., Выголексинский сборник XII в., Успенский сборник XII—XIII вв. Впервые был издан Назиратель XVI в., а также совместно с историками Акты русского государства 1505—1526 гг. — документы старорусской деловой письменности. Введены в научный оборот такие замечательные памятники публицистического жанра, как Вести-Куранты XVII в. (1600—1650 гг.), являющиеся прообразом русской печатной периодики. Впервые стали широко известны материалы частной переписки XVII—XVIII вв. (имеются в виду издания: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И. Безобразова), Московская деловая и бытовая письменность XVII в., Грамотки XVII — начала XVIII в., Памятники московской деловой письменности XVIII в. и др.), имеющие особенно большое значение для познания живой народной речи тех периодов, прежде всего — для познания характера московского койне в XVII—XVIII вв., на базе которого формировалась устная разновидность русского литературного языка. Наконец — и это особенно важно — были изданы рукописные материалы, созданные на территориях южновеликорусского наречия, до этого времени совершенно неизвестные лингвистам, имеются в виду издания: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги; Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги; Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. Целый ряд рукописных текстов издан в 13 сборниках сектора, посвященных проблемам лингвистического источниковедения. Уже одно перечисление изданий со всей очевидностью свидетельствует об огромной работе, проведенной сектором и направленной на привлечение внимания лингвистов к источникам изучения русского языка. Во всех изданиях (кроме Апракоса Мстислава Великого)

Сергей Иванович Котков (1906—1986)

С.И. Котков принимал участие или как автор-составитель и комментатор, или как редактор издания (один или в составе редколлегии). Но издание рукописного памятника, которое может считаться лингвистически достоверным, требовало предварительной разработки принципов такого издания, приемов передачи рукописного текста и его комментирования.

Особенно сложным в этом плане представляется издание скорописных материалов XVI—XVIII вв., необычайно трудных для прочтения в связи с чрезвычайной вариативностью в начертании отдельных букв и в приемах сокращений при написании слов. Задача — так издать рукописный текст, чтобы по этому изданию можно было изучать не только лексику или синтаксические конструкции, но морфологические явления и особенно фонетику, изучать, будучи уверенным в точности передачи рукописи в изданном тексте, — эта задача требовала разработки точных эдических принципов и развития источниковедческого аспекта в исследовании памятников письменности.

Уже в 1961 г. под руководством и при участии С.И. Коткова и О.А. Князевской были разработаны "Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности" — первая в русском языкознании специальная инструкция для лингвистического издания текстов. В этих правилах подробно изложены все "за и против" как фотомеханического, так и наборного воспроизведения рукописных памятников. Хотя в отношении уникальных древнерусских памятников наилучшим, без сомнения, является комбинированное издание, т.е. и фотомеханическое, и наборное воспроизведение, все же, как видно, следует признать, что для целей лингвистического исследования наиболее пригодно наборное издание, когда "возможна передача текстов, которые трудно читаются: возможно воспроизведение стершихся, осыпавшихся и других подобных написаний, читаемых иногда лишь при помощи лабораторного анализа; могут быть напечатаны зачеркнутые и исправленные в рукописи написания и т.п. ... Иными словами, в наборном издании возможна передача наиболее существенных особенностей, необходимых для получения полного представления о системе письма памятника. Такое издание может служить надежной основой научной работы языковеда" ("Правила", с. 13). Именно наборным воспроизведением текста были осуществлены все те издания, которые названы выше, и надо признать, что их появление привело к оживлению исследований в области истории русского языка — особенно в области исторической фонетики, — ибо в руках лингвистов, и прежде всего молодых ученых, оказался добротный и доступный для изучения научный материал.

В архивах нашей страны, как центральных, так и местных, хранится огромное количество рукописных материалов, особенно их много для относительно поздних исторических периодов (XVI—XVII вв.). Издать все эти документы практически невозможно, и поэтому существует проблема отбора памятников для их издания, проблема ценности того или иного текста для лингвисти-

ческого изучения. Конечно лингвисту важно изучить такой памятник, время и место написания которого, а также писец известны: это дает возможность хронологически и территориально прикрепить отраженные в памятнике языковые особенности. Изданию таких памятников должно быть отдано предпочтение. Но есть более общий вопрос, связанный с отбором памятников, — вопрос об их лингвистической ценности. Это вопрос источниковедческого аспекта истории языка, разработку которого осуществил С.И. Котков.

Можно утверждать, что С.И. Котков создал новую филологическую науку — лингвистическое источниковедение, — такую научную дисциплину, которая есть только в нашем языкознании и принципы которой находят признание и в зарубежной лингвистике. В течение многих лет в целом ряде своих работ [см., например, О публикации памятников русского языка и письменности (1960), О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками (1963), О предмете лингвистического источниковедения (1964), О развитии лингвистического источниковедения (1968), Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка (1973), Об источниковедческом аспекте преподавания русского языка (1975), О лингвистическом источниковедении (1977) и др.] и в итоговой в этом отношении книге Лингвистическое источниковедение и история русского языка (1980) С.И. Котков разработал теоретические основы лингвистического источниковедения, его научную концепцию. Базой этой концепции послужили определения объекта, предмета и метода этой филологической науки. Объект — лингвистический источник — представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов. Объем, содержание и характер единицы запечатления определяются, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, а с другой — строем запечатленного.

Предмет лингвистического источниковедения составляет исследование источников со стороны их лингвистической содержательности и лингвистической информативности. Первую образует совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, обусловленная его содержанием и отношением данного источника к определенной лингвистической реальности (языку, наречию, говору), а также степенью познания последней; вторая представляет собой определенную условиями образования источника степень прямой и косвенной отраженности в нем лингвистической содержательности. Лингвистическая содержательность — понятие собственно языковое, лингвистическая же информативность имеет отношение прежде всего к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования (характер графики и орфографии, правописные навыки писцов и т.п.).

Метод лингвистического источниковедения заключается в исследовании лингвистической содержательности в соответствии с иерархией ее обусловленности содержанием источника, в направлении от непосредственной ко все более опосредованной, а также в исследовании

довании лингвистической информативности в ее многообразной обусловленности культурой запечатления языка. Метод анализа лингвистической содержательности письменного источника предполагает системный охват заключенных в ней лингвистических фактов, т.е., скажем, изучение фонетических явлений должно связываться с изучением морфологии в системе речевой культуры и орфографической выучки писца, а не представлять собой характеристику "уединенных" и "обезличенных" фактов. Хотя в исследованиях 50-х годов, связанных с реконструкцией истории отдельных русских территориальных диалектов по данным памятников деловой письменности, получало отражение стремление лингвистов приурочить языковые факты к определенной территории и к определенным писцовым школам, — все же в целом такой источниковедческий подход к привлекаемым для анализа источникам был развит слабо, и поэтому многие выводы о характере фонетической и морфологической системы того или иного диалекта в определенную эпоху его развития оставались недостаточно аргументированными. В результате разработки теоретических основ лингвистического источниковедения, осуществленной С.И. Котковым, историки русского языка получили надежные научные критерии отбора источников для решения вопросов развития и формирования как различных диалектных систем, так и русского языка в целом.

Опираясь на твердую источниковедческую базу, С.И. Котков осуществил чрезвычайно важные для истории русского языка исследования скорописных памятников XVI—XVIII вв., что дало ему возможность по-новому поставить и решить многие актуальные проблемы исторической русистики и прежде всего — проблемы формирования русского национального языка. Как уже говорилось, в силу определенных объективных и субъективных причин, связанных с недостаточной источниковедческой базой, историки русского языка строили свои концепции в основном на ограниченном лингвистическом материале древних памятников письменности, не привлекая к исследованию памятники поздних периодов. Это приводило к определенной "умозрительности" лингвистических построений истории русского языка в относительно поздние исторические периоды, построений, не подтвержденных достаточным фактическим материалом. Особенно ощутимым был "провал" в изучении скорописных документов южновеликорусского и московского происхождения, относящихся к преднациональному и раннему национальному периодам истории русского языка. В силу этого многие представления о поздних исторических этапах развития русского языка складывались в результате ретроспекции современных (конца XIX—XX вв.) диалектных данных в прошлое. Именно в результате такой ретроспекции определенные диалектные противопоставления северновеликорусских и южновеликорусских говоров считались противопоставлениями, существовавшими и в более ранние периоды истории русского языка. Вместе с тем сформировавшиеся в науке взгляды, основанные на ограниченном лингвистическом материале уставных и полууставных памятников и устойчиво удерживавшиеся в науке, определяли и

многие иные представления о развитии русского языка, в частности — о формировании современного фонетического облика и грамматического строя русского языка к XIV—XVI вв., о роли церковнославянского элемента в его истории, об облике русского национального языка, его литературной и разговорной разновидностей в начальный период его становления и о роли южновеликорусского наречия в этом процессе. Нужны были новые источники, новые данные, которые подтвердили бы или опровергли сложившиеся представления. И такими источниками стали уже упоминавшиеся рукописные тексты южновеликорусского и московского происхождения XVI—XVIII вв., изданные и исследованные С.И. Котковым. Эти материалы, относящиеся к деловой письменности, — отказные, таможенные и другие приходо-расходные книги, челобитные и сказки, расспросные речи, а также (и это особенно важно) к частной переписке — грамотки (письма) — с наибольшей полнотой отражают живую народно-разговорную речь и являются наиболее достоверным источником при реконструкции явлений прошлого состояния русского языка и его диалектов. Изучение языковых фактов, отраженных в этих текстах, привело к серьезным изменениям в наших представлениях об истории складывания русского национального языка, его устной литературной формы, опирающейся на систему говора Москвы, и вместе с тем и об истории различных фонетических, морфологических, синтаксических и лексических явлений русской языковой системы.

В этом плане следует прежде всего сказать о том, что уже в своих ранних работах, относящихся к началу 50-х годов и посвященных орловским говорам (имеются в виду работы "Из истории изучения орловских говоров" и "К изучению орловских говоров"), С.И. Котков, во-первых, вскрыл ошибочность "теории" запустения южнорусских земель в течение трех столетий до середины XVI в. и доказал их заселенность в XIV—XV вв. ("Установленная в курско-орловской черте география типов яканья, закономерные связи между ними... не могли сложиться в короткий срок заполнения курско-орловской земли волнами колонизации, притом диалектно пестрыми. Словом, в яканье находим прямое указание на то, что Курско-Орловский край в XIV—XVI вв. был вполне обитаем"); во-вторых, обосновал положение о том, что при взаимодействии культурных центров и окружающих районов, занятых диалектами, воздействие может идти не только от центра к периферии, но и наоборот; в-третьих, впервые высказал мнение о том, что явления литературного языка могут восходить не только к северновеликорусским диалектам, но и к южновеликорусским ("Окончание *-ово* в русском литературном языке представляется возможным выводить не обязательно из говоров северновеликорусского наречия, но с известным основанием и из южновеликорусского").

Введение в научный оборот рукописных южновеликорусских текстов позволило С.И. Коткову доказать, что целый ряд явлений, которые до этого рассматривались как принадлежность только

северно- и средневеликорусских говоров, оказались исторически свойственны всему русскому языку (таково, например, произношение особого гласного на месте $\dot{\text{z}}$ под ударением или наличие конструкции типа *земля пахать* — явления, традиционно считавшиеся принадлежностью северновеликорусских говоров, но обнаруженные в старинных южновеликорусских рукописях). В этом отношении особенно важное значение приобретает то положение С.И. Коткова, согласно которому историческую диалектологию русского языка нельзя создать только на базе современных говоров и что нельзя судить о былом характере говора лишь по данным его современного состояния: только привлечение лингвистически достоверных памятников письменности данной территории, написанных местными писцами и относящихся к определенному времени, может "обезопасить" исследователя от ошибок в реконструкции прошлого состояния того или иного звена языковой системы диалекта. Наиболее глубокое и аргументированное изложение взгляды С.И. Коткова на роль южновеликорусских говоров в истории складывания и развития русского национального языка нашли свое отражение в двух книгах — "Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология)", 1963 и "Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков", 1970.

Введение в научный оборот старинной деловой письменности южновеликорусского происхождения изменило наши взгляды на проблемы формирования русского национального языка, так как без учета южновеликорусских памятников невозможно установить роль северно- и южновеликорусского наречий в складывании этого языка. В этом плане центральной идеей С.И. Коткова является то, что история русского национального языка уходит не в один какой-то диалект, а в более крупные лингвистические образования. Процесс складывания национального языка, понимаемый как процесс концентрации говоров, протекал в широком взаимодействии северно- и южновеликорусского начал, а фокусом взаимодействия была Москва.

Отсюда совершенно правомерно выдвигание на первый план проблемы формирования московского говора как говора центра русского национального государства, как говора, определившего характер устной русской литературной речи эпохи национального развития. Эти проблемы поставлены еще А.А. Шахматовым, и в последующем развитии науки они рассматривались по существу в свете решений, намеченных А.А. Шахматовым. Как известно, сущность шахматовской концепции заключается в том, что московский говор, исторически выделившийся из состава диалекта Ростово-Суздальской Руси, в своей основе был северновеликорусским, лишь постепенно менявшим свой облик под влиянием южновеликорусского наречия, носители которого все более и более пополнили население Москвы. В связи с этим московский говор постепенно превращался в средневеликорусский, совмещавший в своей структуре северновеликорусские и южновеликорусские особенности. Этот процесс шел медленно: не только в XIV, но и в XV в. "в Москве... одни окали, другие акали" (А.А. Шахматов);

в XVI в. аканье укрепляет свои позиции, а в XVII в. становится господствующей нормой говора Москвы. Иначе говоря, формирование единого московского койне должно быть отнесено к эпохе XVII в., по крайней мере, ко времени царствования Алексея Михайловича.

Вопросы становления единого московского койне и в частности — укрепления в Москве аканья как его типичной черты решались на основе показаний памятников письменности московского происхождения. С этой точки зрения ранние факты отражения аканья в московских евангелиях и некоторых грамотах XIV—XV вв. расценивались как свидетельство наличия в Москве акающего населения, но их относительная редкость вызывала сомнения в том, что аканье в эти периоды времени уже стало нормой московской речи.

Издание памятников московской деловой и бытовой письменности XVII в. и их изучение дало возможность С.И. Коткову не только вернуться к проблемам формирования московского говора и к процессам, определявшим это формирование, но и пересмотреть некоторые общепринятые положения, связанные с решением этих проблем. С.И. Котков посвятил вопросам формирования московского койне обширное специальное исследование "Московская речь в начальный период становления русского национального языка" (1974), являющееся единственным в науке о русском языке трудом, в котором на широком историко-лингвистическом фоне раскрывается картина складывания московского койне. С присущей ему тщательностью и скрупулезностью С.И. Котков определяет письменные источники и личности писцов этих документов, со всей очевидностью доказывая создание их в Москве и москвичами. Если же учесть, что документы, на которых строится исследование С.И. Коткова, — это памятники бытового характера (грамотки, записи, расспросные речи, сказки и т.п.), в достаточной степени отражающие особенности народно-разговорного языка, то можно утверждать, что данные, извлеченные из этих источников, действительно характеризуют московскую речь XVII в.

Анализ этих данных привел С.И. Коткова к выводу о том, что "в XVII в. постоянный состав московского населения обладал вполне однородным безударным вокализмом, знаменующим существование в Москве в то время сложившегося койне, притом настолько стабильного, что предположение о его формировании в XVI столетии, а не гораздо ранее, представляется совершенно несостоятельным" (с. 100). Из этого положения был сделан вывод, что не в XVII и даже не в XVI, а по крайней мере уже в XV в. в Москве сформировалось койне, единая разговорная московская речь с акающим произношением. Конечно, эта новая гипотеза, предложенная С.И. Котковым, требует определенных дальнейших подкреплений фактами, требует дальнейшего изучения памятников Москвы разных жанров, относящихся к XV—XVI вв., однако его гипотеза имеет уже то важное значение, что она заставляет историков русского языка вернуться к давно, казалось бы, решенной проблеме и еще и еще раз проверить верность устоявшихся представлений новыми фактами, появившимися в науке в результате развития в нашей стране лингвистического издания ранее "закрытых" для языковедов рукописных источников.

Публикация скорописных московских памятников деловой и бытовой письменности, относящихся к XVIII в., вызвала изучение фонетики и морфологии московского койне этого времени, по существу не изучавшихся ранее по данным памятников. Вообще говоря, в традиции сложилось так, что изучение истории развития фонетической системы русского языка заканчивалось XVII в. — начальной эпохой формирования русского национального языка (считалось, что становление акающей нормы устной русской разговорной речи — это последнее крупное изменение в исторической фонетике русского языка), а изучение истории русской морфологической системы — и того раньше. Из поля зрения историков русского языка русская фонетика и морфология XVIII в., да и XIX в. по существу выпадали: синхронный срез XVII в. сопоставлялся с современным состоянием фонетики и морфологии (современным — в смысле "от Пушкина до наших дней"). А ведь развитие и фонетической, и морфологической системы не остановилось в XVII в. — оно получило продолжение прежде всего в следующем, XVIII столетии, и оно должно быть изучено. Первые шаги в этом отношении уже сделаны и делаются: появились и появляются исследования, посвященные фонетике московского койне XVIII в., проводится изучение его морфологической системы, а вместе с тем, конечно, исследуются фонетические и морфологические явления московской речи XVII столетия по разным изданным скорописным текстам. Наука об истории русского языка получила новый импульс развития, и можно надеяться, что наши представления об истории русских диалектов, об истории становления русского национального языка, об истории формирования русских литературных норм будут уточняться и становиться все более адекватными действительным историческим процессам в развитии русского языка.

Особо следует сказать о том, что та огромная работа по изданию памятников письменности русского языка, которая проделана С. И. Котковым и сотрудниками руководимого им сектора, благотворно начинает сказываться на подготовке филологов-русистов в высших учебных заведениях нашей страны. Известно, что основным историко-лингвистическим курсом в этой подготовке является курс исторической грамматики русского языка, изучая который студенты читают и анализируют древне- и старорусские тексты. Именно этот практический аспект названного курса вводит студентов в реальный "мир" древнерусского языка с его фонетикой и морфологией, синтаксическими конструкциями и лексическим составом. Однако уже более 30 лет в советских вузах анализ текстов древне- и старорусского языка ограничивается кругом памятников, включенных в "Хрестоматию по исторической грамматике русского языка" С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова и состав которых остается все время неизменным. Поэтому односторонность в представлениях о путях складывания русского национального языка, характеризовавшая науку до начала 60-х годов, нашла свое отражение и в подборе текстов для студенческих занятий. Теперь есть возможность дать в руки вузовской молодежи новые тексты по истории русского языка, — такие тексты, которые создадут более правильное представление о путях его развития

и об особенностях, характеризовавших русский язык в относительно поздние периоды его истории и на разных территориях его распространения.

Вместе с тем теперь появилась возможность углубить историко-лингвистическую подготовку филологов-русистов через развитие системы спецкурсов и спецсеминаров, курсовых и дипломных работ, основанных на анализе широкого круга неизученных рукописных, и прежде всего скорописных, текстов. Разностороннее изучение этих текстов, в которых русский язык "выступает целостно, в единстве всех образующих его элементов и отношений", без сомнения, дает возможность лучше познать его по сравнению с познанием его по фонологическим, морфологическим или синтаксическим схемам.

История русского языка наших дней — наука развивающаяся и перспективная, но ее развитие предполагает углубление знания фактов прошлых состояний русского языка, знания явлений и процессов, характеризующих разные уровни его структуры на том или ином этапе его жизни. Углубление этих знаний возможно лишь при условии привлечения новых историко-лингвистических источников, — таких источников, которые не только дадут новые факты, но и позволят сделать новые обобщения.

Научная деятельность С.И. Коткова, в результате которой история русского языка получила в свое распоряжение ранее неизвестные ей памятники письменности, и его исследования, связанные с формированием московского койне как основы русской устной литературной речи, — это пример новаторского подхода к решению актуальных проблем исторической русистики.

Л.Ю. АСТАХИНА

ГРУППА СЛОВ С НАЧАЛЬНЫМ *ИЗОР-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Об этих словах стало известно после опубликования в 1847 г. Н. Мурзакевичем текста Псковской судной грамоты (из библиотеки М.С. Воронцова)¹. В литературе она датируется 1397—1467 гг.

В некоторых статьях этой грамоты встречаем термин *изоръникъ* с вариантом *зорникъ* и притяжательное прилагательное *изоръничъ*, например: А которой государь захочет ѿтрокъ дати своему [и]зорнику или ѿгороднеку или кочетнику, ино ѿтрокъ быти ѿ Филипове заговѣине (статья 42); А оу которого человекъ у государа изорникъ помреть в записи, в покрути, а жена у него ѿстанетса и дѣти не в записи, ино изорничичи женѣ и дѣтем ѿткличи нѣтъ (статья 85) и др.² В Объяснительном словаре своего издания Н. Мурзакевич написал: *Изорникъ*. Пахарь, земледелец? (с. 2). Рецензируя издание грамоты, Н.В. Калачов высказал суждение о том, что "нужно понимать слово *изорник* в смысле земледельца, нанимающего для обработки чужое

¹ См.: Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847.

² См.: Псковская судная грамота. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1914.